

18+

Виктория Грезина



Виктория Грезина
Дневник училки — 2

«Издательские решения»

Грезина В.

Дневник училки — 2 / В. Грезина — «Издательские решения»,

Окунитесь в «закулисье» современной школы с веселой провинциальной учительницей. «Производственная травма», «О любви» и «Баба ЕГЭ» — новые истории Виктории Гресиной из цикла «Дневник училки». То грустные, то смешные. И очень правдивые...

© Грезина В.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Производственная травма	7
1	7
2	8
3	9
4	11
5	12
6	14
7	15
8	16
9	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дневник училки — 2

Виктория Грезина

Дизайнер обложки Анастасия Оникова

Дизайнер обложки Александра Иванова

© Виктория Грезина, 2026

© Анастасия Оникова, дизайн обложки, 2026

© Александра Иванова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-6224-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-6225-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Здравствуйтесь, друзья!

С вами снова УчилкаНаВсюГолову! Да, да, та самая, из Краснодара — «в меру упитанная женщина под полтос», «самочка Карлсона без пропеллера». Та, что жить не может без песен и мечтает побывать в Сибири.

В прошлый раз я обещала вернуться с новой книгой о школе. И что вы думаете? Мы — учителя — слов на ветер не бросаем. Сказано — сделано!

Мне даже почти не пришлось ничего выдумывать, потому что у нас в гимназии что ни день, то сюжет.

Хотите узнать точный адрес? Нет, я не стану раскрывать тайну, чтобы не обидеть другие школы, в которых могли произойти точно такие же истории. Весёлые и грустные. Одним словом, жизненные...

Производственная травма

1

— А ведь как хорошо начинался день! — бросаю в укор не то себе, не то ещё кому-то, одиноко сидя в пустом школьном кабинете.

Резкие звуки бьются о стены и, не найдя выхода, возвращаются ко мне противным эхом, напоминающим, что помощи ждать неоткуда и отвечать всё равно придётся. Вот только, хоть убейте, не пойму, за что!

Передо мной на парте лежит нетронутый белый лист формата А 4. Глубоко вздохнув, нехотя пишу как можно мельче в правом верхнем углу: «Директору МАОУ гимназии №... Калугиной М. А... учителя русского языка и литературы Грушиной Ю. В.». Дальше в центре страницы крупными буквами — «Объяснительная».

Задумавшись, устало перевожу взгляд на колышущиеся шторы окна и в безразличном отупении наблюдаю, как огромное малиновое пятно над крышами стареньких пятиэтажек постепенно превращается в тёмно-синее.

Пора, однако, поторапливаться... Только я никак не могу сформулировать в двух-трёх предложениях всё, что сегодня случилось. А ещё филолог! Гнать таких из школы поганой метлой!

Для пушего эффекта крепко зажмуриваюсь и начинаю прокручивать киноплёнку с первых кадров.

Утро выдалось, как у английской королевы: неспешное, размеренное. Мне ж сегодня ко второму уроку!

Выспалась. Откушала кофею. Причёску сделала. Юбку новую надела! И, улыбнувшись февральскому солнышку, с достоинством (а не вприпрыжку!) направилась в школу.

При входе кивнула охраннику и поймала себя на мысли, что до сих пор не знаю, как его зовут. Это неудивительно: после смерти нашей Гульнар охрана так часто стала меняться, что и запоминать не было смысла. Этот, правда, недели две уже сидит. Крупный, седой, лет шестидесяти пяти. Вежливый. И всё время Дюма читает. Может, и задержится... Но до Гульнар ему далеко.

2

Отчество у неё было такое сложное, что никто не мог ни выговорить, ни запомнить. Но ведь для легенды достаточно имени!

— Здравсьте, тётъ Гульнар! До свидания, тётъ Гульнар! — неслоь с утра до вечера в дверях школы.

Крупная женщина в чёрном костюме охранника, с коротко стриженными волосами цвета воронова крыла, с интригующим разрезом внимательных киргизских глаз и яркой помадой на губах, буквально стала визитной карточкой нашей гимназии. Да что там — душой!

Мне до сих пор не хватает её утренних приветствий:

— Юлия Викторовна, Оленька вчера к Вам с молодым человеком приходила. Симпатичный! Жених или муж?.. А где учится? На каком курсе, говорите?.. Ну, бегите, Юлия Викторовна, педсовет уже начался. Вы ж, как всегда, опаздываете!

Для меня остаётся загадкой, как она умудрялась помнить по именам не только учителей, но ещё и их родственников.

Больше того! Гульнар знала в лицо всех наших учеников. А это без малого две с половиной тысячи. Посторонний ребёнок вряд ли смог бы незаметно проникнуть в гимназию, даже влившись в самую шумную и многолюдную толпу.

Для хулиганов охранница была грозой и авторитетом.

— Ковалёв, ты куда намылился?

— Тётъ Гульнар, я только покурить и назад.

— Попробуй не вернись! Звонок через десять минут.

И ведь возвращался же! Знал, паршивец, что, если обманет хоть раз, Гульнар его больше не отпустит. А она знала, что лекции о никотиновой зависимости Ковалёву уже не помогут: он дымит с одиннадцати лет. Не выпустишь его на улицу — пойдёт в туалет и будет отравлять атмосферу всем присутствующим. Так и жили в строгости и взаимопонимании.

Даже родители находились под влиянием её неподражаемого, тонкого обаяния. Добродушные заботливые мамочки в День Учителя и Восьмого марта, проходя мимо входа, благодарно совали в окошко охраннице маленький букетик или коробочку конфет...

Год назад, промозглым февральским утром, наша Гульнар, как обычно, ехала на работу. Полупустой троллейбус плавно завернул за угол и, разогнавшись по выделенной полосе, как будто опаздывал на свидание, стал наконец притормаживать у остановки «Поликлиника». Стоя в дверях, Гульнар глянула на часы. Они показывали 6.57.

— Опаздываю! — подумала охранница, выходя из троллейбуса, и решила сократить путь.

Новенький «Мерседес» в утренней февральской мгле сначала не заметил женщину, перебегающую дорогу в неположенном месте. А потом было уже поздно...

В семь тридцать семь девятиклассники Ковалёв и Полушкин, дождавшись сигнала светофора, в плотной толпе переходили ту же улицу.

— Кажись, авария! — оживился Полушкин, повернув голову влево. — Глянь: вон «Мерс» стоит, стёкла битые, шины рваные. О! Гайцы подъехали!.. А под покрывалом что?

— Не «что», а «кто»! — выпучив глаза, ответил Ковалёв. — Трупак валяется!

— Фу!!! — Полушкина передёрнуло.

Мальчишки завернули за угол и устремились к школе, видневшейся за деревьями.

Через час страшная весть разнеслась по всей гимназии. От уроков осталось одно название. Взрослые и дети никак не могли взять себя в руки.

Ковалёв и Полушкин, не стесняясь ни учителей, ни девчонок, рыдали в голос и всем рассказывали, как тётя Гульнар в последний раз встретила их там, по пути в школу, как будто передавая всем прощальный привет.

3

Грустные воспоминания молнией вспыхнули в голове, но тут же уступили место картинкам настоящего. Звонок с первого урока застал меня у входа, возле рамки неработающего металлодетектора. По школьному вестибюлю уже сновали дети. Вдали виднелся просторный длинный коридор, по которому бодро, преследуя какую-то серьёзную, судя по сдвинутым бровям, цель, шагала Иринка. Заметив меня, она мгновенно расплылась в улыбке и помахала рукой.

Неожиданно всё пространство первого этажа пронзил душераздирающий крик:
— Пан, скотина! Дебил недоношенный! Тебя убить мало!

В пяти шагах от меня чьи-то тела покатались кубарем на пол, Закрутились, замахали в разные стороны руки, ноги, головы. Послышался звериный рык, хрипы, вопли.

Недолго думая, я швырнула сумки прямо на грязный пол и ринулась к дерущимся. С другой стороны, забыв про все свои дела, к нам спешила Иринка. В двух шагах от невнятной шевелящейся и мычащей кучи я с ужасом поняла, что это МОИ — Панов и Шеферт, два заклятых врага!

Чтобы оценить глубину трагедии, надо знать её предысторию. Севка Панов — самый «особенный» ребёнок из тех «особенных», которых я встречала на своём учительском веку. В свои пятнадцать лет он числится в нашем шестом «Г», потому что у него ЗПР и ещё какая-то инвалидность. Нет-нет, руки и ноги целы! На переменах в игре «в сифу» Севке нет равных. Он носится по коридору быстрее всех и очень точно мечет мокрую, грязную тряпку в спину противнику, в отличие от тех косоруких, которые иногда попадают «сифой» девочкам в лицо, а то и в учительскую голову.

С мозгами у Севки тоже неплохо, по крайней мере, он отлично помнит, на какой именно перемене нужно спуститься в столовую за бесплатным пайком, который причитается всем детям-инвалидам. Правда, лишнее питание не идёт страдальцу впрок: за последние два года он стал похож на широкий, увесистый комод, а вверх почти не вырос.

Славка Петухов вздумал было дразнить болезного по этому поводу, но получил от него такого увесистого тумака, что загремел в медпункт с лёгким сотрясением. Панову удалось уйти от ответственности только благодаря отцу — успешному предпринимателю, который изо дня в день учит Севку жизни:

— Не давай себя в обиду, сынок! Чуть что — сразу в глаз! Тебе ничего не будет. У тебя справка.

Наше счастье, что Пан-младший пошёл характером в добродушную мать, красавицу-домохозяйку, двадцать лет назад обучавшуюся в гимназии с таким же диагнозом, как у Севки. Старожилы-то всё помнят!

Пановы, конечно, могли позволить себе найти для сына хорошую коррекционную школу. Но мама не уставала твердить, что её учителя были самые ласковые и заботливые, поэтому Севка попал к нам просто — по прописке и по доброй памяти.

В начальной школе он, глядя на остальных, ещё хоть как-то пытался учиться. Вызубрил все буквы, читал по слогам. Довольно сносно и разборчиво переписывал тексты. Научился складывать и вычитать в пределах десяти. Кое-как запоминал простейшие стишки.

Но к пятому классу Севка отлично усвоил, что «есть справка» и его «всё равно переведут». Теперь он, сидя на уроках, ничего не пишет, не читает, не считает, а лишь развлекается в своём Айфоне. Иногда, забывшись, громко пукает и сам над собой ржёт. Есть в его арсенале ещё один прикол: посреди урока он смачно жрёт свои козюльки и с любопытством наблюдает, как приступ рвоты одолевает наших девчонок или молодых учителей. Нам-то, бывалым, всё уже нипочём! Мы и приятного аппетита можем пожелать.

В остальном Севка нормально социализируется: панибратски общается с девчонками и старшекласниками. Помирился с Петуховым. Вместе они вечно что-то замышляют и воплощают в жизнь. Не дают нам скучать.

Мало того! У Панова открылась устойчивая тяга к прекрасному, и теперь он не пропускает ни одного общеклассного выхода в театр или на концерт. Вместе с нами ходит и его мама — Любовь Петровна. Она обожает фотографировать всех и вся. А потом с удовольствием одаривает фотографиями Севкиных одноклассников. Ну и меня, конечно.

В общем, пёструю картину шестого «Г» стало невозможно представить без Панова. Убери из неё этот неправильный, причудливый штрих — и весь колорит поблекнет.

4

Некоторое время назад у Севки обнаружилась ещё одна особенность — звериное чутьё в человеческих отношениях. Он безошибочно определял, кто ему искренне рад, кто по-настоящему жалеет, а кто исподтишка ненавидит. Последним Пан не давал спуска, придумывая всё новые и новые козни.

Смышлёный и педантичный Миша Шеферт, общепризнанный знаток математики и даже информатики, которую обычные дети начинали изучать лишь в седьмом классе, до поры до времени не выказывал особой неприязни к Севе. Все учились с Пановым с первого класса, все привыкли к его нелепым шуткам и неуёмной энергии и воспринимали, как само собой разумеющееся.

Однажды ответственный и старательный Миша получил за диктант тройку. Он представил, как строгий папа, который работает главным инженером и очень ценит порядок и целеустремлённость, станет ругаться и повторять, что они с мамой делают всё, чтобы он (их сын!), был успешным, был лучше всех... Мишку терзали муки совести. Он не знал, что отвечать отцу.

Но на перемене выяснилось, что тройка — это даже неплохо. Двенадцать человек из класса написали ещё хуже, но почему-то не лили слёз и вели себя как ни в чём не бывало.

— Слушай, Славка, — подошёл Миша к парте, за которой Петухов, рассеянно швыряя свои вещи в рюкзак, обсуждал с Пановым новую игру, — что ты говоришь родителям, когда приносишь двойку?

Славка на секунду опешил, поднял глаза на Шеферта, посмотрел, как на инопланетянина, и брякнул с ухмылкой, но значительно:

— Михан, ты больной? Я им вообще про двойки не рассказываю.

— Но ведь всё равно узнают! — стоял на своём Мишка.

— Когда узнают, будет видно... — отмахнулся Славка. — Да, Панов?

— А шо Панов? — Севка с достоинством выпятил грудь. — У меня, между прочим, за диктант тройка!

Петухов наконец справился с молнией на распухшем рюкзаке и рванул в коридор. Пан тоже. А Мишку как будто гвоздями прибили к полу! Значит, он старается, правила учит, домашку делает, на уроках из кожи вон лезет, дополняет, отвечает... А как диктант, так у него «три» и у Панова — «три»! Подавился бы он своими козюлками! И, главное, как теперь перед отцом оправдываться, что его сын не самый лучший? Может, как Петухов, ничего не рассказывать?

...Вечером, конечно, выяснилось, что отец уже в курсе. Ничего удивительного: он каждый день просматривал электронный дневник. Мишка, как мог, оправдывался. Уверял, что к нему несправедливо относятся. Не забыл и Панова с его прикольчиками. И отец неожиданно встал на сторону сына:

— Понаберут дебилов в школу! Нормальным детям учиться мешают! Давить их надо, клопов вонючих! А мы всё туда же: «милосердие», «толерантность»!

5

На следующий день за обедом в столовой Панов и Шеферт случайно оказались рядом. Мишка старался отломить вилкой от рыбной котлеты аккуратный кусочек, когда взгляд его упал на Севку, который с набитым ртом что-то пытался доказывать Петухову. Разглядев на подбородке у Пана жирный подтёк, он вспомнил отцовские слова про вонючего клопа и напрочь потерял интерес к содержимому своей тарелки. Шумно отодвинув стул, Шеф вышел из-за стола.

Панов сразу учуял неладное и затаил злость. До конца перемены они с Петуховым успели выработать план отмщения.

Учительница музыки была молода и неопытна, и поэтому злоумышленникам не составило труда, усевшись во время урока за первую парту, подсмотреть её логин и пароль от электронного журнала.

Вечером Мишка полез в телефон за домашним заданием и чуть не рухнул со стула от неожиданности: он увидел на своей страничке неизвестно откуда взявшиеся двойки по математике, по литературе, по географии, английскому, биологии и даже по музыке.

От недоумения Шеф даже зажмурился. Может, мираж, наваждение? Но нет. Стоят двойки и портят всю картину успеваемости! Что же это творится? За что его так не любят учителя? И, главное, как теперь отцу на глаза показаться?

Мама, заставшая сына в слезах, без промедления позвонила мне.

— Кто придумал мобильник?! — риторически возопила я, нехотя отрываясь от свиного окорока, из которого только что собиралась приготовить на завтра горячее.

Насилу вытянув из мечущей гром и молнии трубки все обстоятельства дела, засунула несчастное мясо подальше в холодильник и занялась расследованием преступления. Пробежав по всем страницам журнала, увидела одну и ту же фамилию, вносившую изменения по разным предметам, и стала обо всём догадываться.

Для начала пришлось связаться с учительницей музыки и, объяснив ситуацию, попросить, чтобы она сменила свой пароль. Вслед за этим раздался звонок от Шефа-старшего. Интеллигентный и продвинутый папа разговаривал со мной командным тоном:

— Юлия Викторовна, что у вас там происходит? Откуда у Миши двойки? Я вызываю Вас завтра к восьми утра в кабинет директора школы!

Конечно, можно было бы возразить, что в школе всегда что-нибудь происходит, что к Мишиным двойкам я не имею никакого отношения, что вызывать меня к себе в кабинет может только директор... Но «если надо объяснять, то не надо объяснять».

— Хорошо, — коротко ответила я и, нажав «Отбой», продолжила обзванивать коллег, извинялась, что так поздно, просила убрать лишние оценки и не предавать огласке оплошность молодой сотрудницы.

И только лёжа в постели, вспомнила, что директриса укатила на три дня в северную столицу, чтобы перенимать передовой опыт. Представив, как завтра Шеф-старший в восемь утра ткнётся носом в закрытые двери её кабинета и уйдёт оттуда несолоно хлебавши, я мстительно улыбнулась и тут же уснула.

На следующий день всё разъяснилось. Виновники досадного инцидента были выявлены к третьему уроку, потому что не в меру общительный Петухов рассказал всё по секрету Ковальчуку, тот — Ане Акопян, Акопян — Лапотько, а Лапотько, естественно, доложила мне. Пригрозив исключением из школы за «взлом» журнала, я добилась от Панова и Петухова признательных показаний, смягчающих вину, и потребовала извинений перед пострадавшим. Мальчишки нехотя пожали друг другу руки в моём присутствии и разошлись в разные стороны.

А Лёва с Васькой целый день питались пустыми макаронами и абсолютно нетолерантно костерили Панова, Шеферга и всю их родню до седьмого колена.

6

И вот прежняя ненависть по какой-то пока неизвестной мне причине вспыхнула с новой силой и превратилась в безобразную драку в школьном вестибюле.

Охранник, учуяв беспорядок, опасливо выглядывал из окошка своей комнатухи. Растерялся наш любитель авантюрных романов. Не ожидал. А ведь школа не место для трепетной интеллигенции!

Как настоящие бойцы отряда быстрого реагирования, мы с Иринкой в три прыжка оказались рядом с дерущимися и, психологически воздействуя на них громкими криками, пытались растащить в разные стороны. Крупная, рослая Иринка, мгновенно оценив ситуацию, вцепилась в Панова. Мне достался худощавый Шеферт.

— Хватит, ребята! Прекратите! — орала мы в два учительских горла и на секунду даже успели растащить заклятых врагов.

Но Шеф никак не мог успокоиться.

— Ты у меня за всё ответишь, клоп вонючий! — крикнул он так, что слюни брызнули в разные стороны.

Ох, не зря Панов получает в школе дополнительное питание! Ему хватило сил, чтобы вырваться из мощных, как у гранадёра, рук нашей Ирины Ивановны. Та снова попыталась схватить разъярённого хищника, но жестоко за это поплатилась. Севка, отмахиваясь, стоял к ней полубоком и нечаянно, в запале звезданул прямо в глаз. Иринка ойкнула и отпустила Панова, а тот стремглав подлетел к нам с Мишкой и вцепился зубами в плечо обидчика. Шеферт взвыл от невыносимой боли.

— Да что ж ты делаешь?! — заорала я на Севку, пытаюсь оттолкнуть от Мишки, но поняла, что ничего не получается.

Панов и сам было дёрнулся в сторону, но почему-то не смог разомкнуть зубы. Как будто приклеенный к плечу Шефа, он вытаращил глаза и затравленно замычал. То ли Севкины мышцы, то ли нервные окончания дали сбой (не зря же у него справка!), и его челюсть заклинило намертво.

Когда прошла первая оторопь и недоумение, Иринка, потирая ушибленный глаз, серьёзно объявила:

— Всё, картина маслом! Главное — не дёргайтесь, а то будет больно. Причём обоим. Значит, так, дорогие сиамские близнецы: сейчас мелкими шажочками, плавненько поднимаемся на второй этаж и двигаемся в медпункт. Обнимите друг друга и не пытайтесь оторваться. Мы с Юлией Викторовной будем вам помогать, придерживать. Шагаем синхронно, по команде. И — раз! Два! Молодцы! Вот так, тихонечко...

Разбушевавшиеся петухи присмирели, обмякли, напуганные страхом: «А вдруг это навсегда?» Мишка тихонько скулил вслух, а Севка, лишённый такой возможности, молча лил слёзы на плечо Шефа.

Охранник обескураженно смотрел нам вслед. А случайные свидетели происшествия с интересом двинулись за нами. Кое-кто побежал в класс, мечтая первым крикнуть:

— Атас, пацаны! Там такое! Пошли позырим!

7

Кое-как преодолев лестничный пролёт, мы обнаружили аншлаг по дороге к медицинской комнате. Галёрка улюлюкала и отпускала непристойные шуточки, пользуясь тем, что в толпе трудно было рассмотреть доморощенных стендаперов. Зрители первых рядов глядели молча и испуганно.

И вот из толпы высунулась чья-то рука с мобильным телефоном. Как герой Леонова в знаменитой комедии, я из трепетной няньки, поддерживающей пострадавших малышей, мгновенно перевоплотилась в бывалого сидельца:

— Не смей!!! Грабли повыдёргиваю!

Грубый оклик возымел действие. Телефоны попрятались. Но опасение всё же осталось: «А вдруг кто-то успел нас заснять?»

Бурное воображение тут же нарисовало мне завтрашний пост в «Типичном Краснодаре»: сначала крупным планом моё злобное лицо с гневной репликой, затем общий фон с живой скульптурной композицией из четырёх ковыляющих в медпункт и подпись: «Озверевшие краснодарские учителя избили двух невинных подростков». Далее следуют двести разгневанных комментариев:

— Куда катится наше образование? Страшно детей в школу пускать!

— Так, правильно: там теперь только бывшие двоечники работают, и все они шизофреники! Разве пойдёт нормальный человек за такую З/П вкалывать?

— Да на кол их посадить!..

Наконец кто-то кидает привычную фразу:

— Это всё понаехи виноваты!

Здесь люди с остатками хоть какой-то воспитанности отходят в сторону и начинается привычная грызня между кубаноидами и понаехами, комментов этак на триста.

На следующий день директриса в угоду департаменту и общественному мнению увольняет нас с позором из школы, но через неделю тайно принимает назад, потому что работать, кроме нас, ненормальных, больше некому.

На этой радостной воображаемой сцене мы с Иринкой кое-как впихнули «сиамских близнецов» в дверь медпункта, и она за нами благополучно захлопнулась.

8

Медсестра Татьяна, увидев нас, только руками всплеснула:

— И рада бы помочь, да не могу! Тут инъекция нужна расслабляющая. А без письменного согласия родителей нельзя ни таблетку дать, ни укол сделать. Можно только йодом помазать, холод приложить и давление измерить.

— Холод — мне! — отозвалась Иринка, у которой под глазом расплывался огромный синяк.

— А мне давление...

— Ну, и как я с таким лицом теперь к детям пойду? — перебила подруга. — Придётся директору звонить!

— Не надо! Она формалистка. Отправит за больничным в поликлинику. Охота тебе сейчас в очередях толкаться, а потом ещё часть зарплаты потерять? Звони Ядвиге. Она на денёк прикроет, а там разберётся. Замажешь, припудришь — и снова в бой.

— А с этими-то что делать? — задумалась Татьяна, глядя на Севку с Мишкой. — Прямо больно смотреть!

Мы кое-как усадили пострадавших на кушетку. Слюна Панова обильно текла по рукаву Шеферга и успела вымочить переднюю часть аккуратной беленькой рубашки. Мишка обессиленно скулил. Потом поднял на меня полные ужаса глаза и осторожно спросил:

— Я теперь тоже заражусь бешенством?

— Не заразишься, — отрезала я, — если будешь всё время повторять заклинание: «Ребята, давайте жить дружно!»

— Придётся идти на крайние меры! — заключила Татьяна. — Вызываю «Скорую». От Калугиной, конечно, влетит. Но по-другому никак. Кто классный руководитель?

Я горестно вздохнула.

— Звоните родителям, — продолжила она. — А я — в неотложку.

Тут до меня дошло, что телефон остался в сумке, а сумка валяется на полу в вестибюле. Вернее, валялась десять минут тому назад...

Не прощаясь, я рванула на первый этаж, по дороге представляя, в какое месиво могла превратиться моя поклажа, провалявшись без присмотра всю перемену в коридоре.

У входа в гимназию царил тишина, потому что пять минут назад дали звонок на урок. Я стала растерянно озираться по сторонам. Сумки нигде не было...

— Женщина, Вы тут свои вещички забыли! — высунулся из своего окошка интеллигентный охранник.

— Ой, спасибо! — облегчённо выдохнула я и, подойдя поближе, разглядела надпись на бейджике: «Игорь Иванович»

— Будем знакомы, почтальон Печкин! — мысленно поприветствовав нового сотрудника, я направилась в сторону лестницы. — А вот Гульнар вместе с нами побежала бы разнимать драку. Но ничего... Через полгода (если продержишься, конечно) перестанешь всему удивляться. А через год, увидев дерущихся, кинешься к ним и заорёшь: «Мордой в пол! Работает ОМОН!»

9

На четвёртом этаже стоял гвалт. Семиклассники ждали меня, а шестой «Г» — Иринку. Не успела я шикнуть на не в меру расшумевшихся детей, раздеться и вставить флешку в компьютер, чтобы включить презентацию, как раздался звонок Францевны:

— Юлия Викторовна, там Ваши дети за стенкой. Присмотрите одним глазком... Ирина Ивановна заболела, а заменить некем: все гриппуют!

Я попыталась возразить:

— Ядвига Францевна, у меня сегодня «Одна и две „Н“ в причастиях». Сами знаете: если не поймут, можно ставить крест на всех ВПР!

— Ну, Вы же опытный педагог! Разберётесь. Потом нагоните... А если в Вашем классе ещё что-нибудь случится? Кстати, Вы родителям Панова и Шеферта уже сообщили? — закончила Францевна, озадачив меня ещё больше.

Я мысленно заметалась и поняла, что мозг завис от многозадачности. С чего же всё-таки начать? Легко сказать: «Присмотрите!» Все, конечно, знают, что у учителей есть глаза на затылке. Но умением видеть сквозь стены овладел пока лишь каждый второй. Мне эта наука никак не поддаётся.

— Юлия Викторовна, тему записывать? — вывел меня из ступора Саша Писаренко.

— Да! Тему пишем. Презентацию копируем в тетрадях слово в слово! Объясню чуть позже. На учебник не надейтесь: там ничего не поймёте. Мне надо отлучиться к своему классу. Но смотрите: дверь остаётся открытой! Я всё вижу и слышу!

С этими словами удаляюсь в соседний кабинет.

— Что на этот раз? — гневно спросила я шестой «Г» вместо приветствия.

— А где Ирина Ивановна? — как всегда, невпопад влез Петухов.

— Заболела.

— А я её сегодня в школе видел!

— Вот в школе и заболела! Ещё раз спрашиваю: что случилось?

— У нас первым уроком география была, — затараторила всезнающая Лапотько. — Шеферт с утра всем хвастался, какой он крутой доклад подготовил, какую презентацию! Программы продвинутые называл, не помню, как их... На уроке поднял руку, чтобы ответить, а флешки нет! Географичка даже двойку ему хотела поставить!

— Не «географичка», а Софья Николаевна.

— Ну, да... Потом сжалась. Сказала, что подождёт до следующего урока. А на перемене эта флешка у Панова из кармана вывалилась...

— Всё понятно... Сейчас достаём учебники и тетради. Какой параграф был задан на дом?

— Двадцать восьмой!

— В конце темы есть вопросы. Нужно письменно на них ответить. Книга перед вами.

— А оценки за это будут? — начал расчётливый Ковальчук. — Мне шесть сотых до четвёрки не хватает.

Пришлось сделать очень серьёзное лицо и покривить душой:

— Обязательно! Приду — проверю. Кто не сделает — тому «два»! И помните: дверь открыта! Всё вижу, всё слышу!

Выйдя в коридор, я скрепя сердце решила на самое неприятное — сообщить родителям о происшествии. Доносчику, как известно, первый кнут!

Мама Шеферта долго возмущалась и грозилась подать в суд на всю нашу «шарашку». Сообразив, что все возражения в этот момент будут бесполезны, я скоренько попрощалась и выслала сообщением телефон медпункта, мысленно посочувствовав Татьяне.

Тревожные, злобные волны, выплеснутые из трубки, окончательно вывели меня из равновесия. Вот скажите мне, зачем я вчера до часу ночи делала презентацию новой темы? Чтобы теперь весь урок бегать по кольцевому маршруту «Кабинет 43 — кабинет 44 — коридор и всё снова»? Где благодарность? Стою тут, как помоями облитая... Да чтоб я ещё хоть раз!..

И сама не веря своим обещаниям, набрала мамочку Панова.

— Опять челюсть? — только и сказала Любовь Петровна. — Выдвигаюсь!

Я облегчённо выдохнула, заглянула к шестиклашкам, погрозила пальцем и пошла, наконец, в свой кабинет объяснять новую тему.

На исключениях с исключением «раненый» снова зазвонил телефон. В этот раз — директриса!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.